

Валерий Скобло

ПРИЧИН ОТЧАИВАТЬСЯ НЕТУ

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ
1975 года

1

«Места для пассажиров
с детьми и инвалидов»,
Мимо «Колбас» и мимо
«Продажи некливидов».

Быть, как и все, со всеми
В толпе продолговатой
Между чужой любовью
И пропитой зарплатой.

Необщим выраженьем
Лица ты не отмечен,
И – слава Богу. Впрочем,
Гордиться тоже нечем.

«Быть, как и все, со всеми...» –
Вот заповедь на случай,
И – если хочешь выжить,
«...А сам себя не мучай».

Подруги локоть острый,
И слезы на ресницах.
Не вымолвить и слова,
А надо объясниться.

Глядишь в окно, и горло
Тебе сдавила жалость...
«Люблю еще... О, сколько
Нам мучиться осталось?...»

2

Смотрю – и мне уже не горько.
Я улыбаюсь. Разве только
В душе саднит слегка.
Чуть слышно тарахтит моторка.
С холма любого и пригорка
Видна река.

Причин отчаиваться нету.
Я улыбаюсь. Сигарету
Держу в руке.
Любовь мелькнет, как свет в тоннеле.
Как славно жить без всякой цели,
Под стать реке.

Жить без иллюзий, только честно...
Мне и в любой толпе не тесно,
А одному и безнадежнее, и легче
Принять любой удар на плечи.
И я приму.

А миг – в другое измеренье
Шагнуть, оставив слух и зренье,
И жизнь в придачу, –
Я угадаю без ошибки.
Мне скулы сводит от улыбки...
Я слез не прячу.

3

На деревья легла серебристая мгла,
Звезды в небе все глубже...
Сквозь чужое окно
вижу плоскость стола,

* * *

Нам с полковником
совсем никто не пишет.

Ни друзья не пишут, ни родня.
Дефицит посланий – не излишек:
Можно продержаться... два-три дня.

Из редакций нам с ним нет ответа,
А ведь слали разный матерьял...
Ни с каких концов большого света
Негу писем... Чтоб их дьявол взял!

Мы писали на любые темы.
Кровью мы строчили – не водой:
Прозу, публицистику, поэмы,
Мемуары... на конец худой.

Точно камень в мертвое болото:
Ни кругов, ни звука... тишь и мрак.
Мы с полковником не понимаем что-то:
Может, мы чумные... или как?..

Это не случайность, а система.
Просто сердце рвется на куски.
Ведь ответить нынче – не проблема,
По e-mail'у – просто пустяки.

Точно все повымерло в округе,
Будто отменили Интернет.
Я срываюсь на своей супруге...
Писем нет... ну просто нет как нет.

А полковник что-то шепчет тихо,
Спал с лица, ну просто краше в гроб...
Я не знаю, что найду за выход?
А полковник точно – пулю в лоб!

ГДЕ БЫ Я НИ БЫЛ...

Я в Средней Азии бывал... Не понял...
В Ташкенте, Фрунзе и Алма-Ате...
Столицы, видно, посещал не те.

И в Закавказье я бывал... Не понял...
В Тбилиси, Ереване и Баку –
Ничто не шло на пользу дураку.

На Волге был... Но я и там не понял...
От Плеса до Ростова-на-Дону
Я не проникнул мыслью в глубину.

В Прибалтике я был и мало понял...
Да – Таллин, Вильнюс, Рига...

И там прозрений не дождался... нет.
Всем привет:

Псков, Новгород... обратно я не понял.
Однажды чуть не загремел в Кыштым.
По мне – так что рентгены, что калым.

Был в Кутаиси, Бухаре... Не понял.
А Севастополь, Каунас и Брест...
Но для прозрений не нашел я мест.

Бывал и в Симферополе... Не понял.
Мне – что Новороссийск,
что Пятигорск.
Тирасполь мне без пользы и Загорск.

Багуми и Бендеры – все не понял.
Даугавпилс, Азов, Ленинанкан...
Но истину не взял я на аркан.

Казалось бы, уж Ужгород!.. Не понял.
А Тарту, Навои и Измаил...
И там понять мне не хватило сил.

Ну, Кисловодск и Ялта... Там не понял.
По мне, что Нарва, что Кировокан:
Я истину искал – долой стакан!

В Гусе бывал Хрустальном...
Но не понял.
И в Гори, Шуе и Эссентуках...
Да, истина была почти в руках.

Эчмиадзин и Туапсе... Не понял.
И даже Новый посетил Афон,
Но там, как говорится, слышал звон...

Ну, Киев, Минск, Иваново... Не понял.
Одесса, Кишинев и Волгоград...
Не одолел я умственных преград.

В Сухуми и Ургенче я не понял.
Я посетил Рязань и Таганрог...
И зря я не жалел гудящих ног.

Львов, Ярославль. Но ничего не понял.
И Самарканд, Владимир, Кострома –
Нигде не понабрался я ума.

Живу в Санкт-Петербурге.
 Но не понял...
 Сто раз бывал в Москве, само собой.
 Но я не понял – хоть кричи, хоть вой!
 Я думаю... возможно, я не понял,
 Поскольку не был
 в пыльной Кзыл-Орде...
 Не понял... Ничего... Никак... Нигде.

* * *

Я духом слаб, старушку топором
 Не зарублю за деньги ли, из мести.
 Не описать ни в сказке, ни пером:
 Не зарублю...
 Да я рехнусь на месте.

Кишка тонка, и даже Родион
 На этом фоне смотрится гигантом.
 Я чувствую, что я совсем не он...
 К страстям кипящим обделен талантом.
 Что я готов признать... и сей момент...
 И подтвердит мои слова анкета.
 Да, я, конечно, тоже был студент,
 Но точно, что другого факультета.

Но вот накатит... да, и на меня...
 И много ль нужно слабому болвану?
 Когда под вечер трудового дня
 Весь дом притянет радостно к экрану.

О, боже мой – Малахов их герой!..
 Каким еще порадует коленцем?
 Ну, а по мне: так он сплошной отстой...
 Себя я ощущаю отщепенцем.

И сам он честен,
 и глаза не врут,
 Пипл схавает... на то они и массы.
 «Пусть говорит?» –
 да сдох бы прямо тут...
 Эфир прямой... не отходя от кассы!

Наверно, это что-то с головой,
 Но тут и я не дрогнул бы ни разу.
 Найти бы только кабель силовой –
 И топором...
 и топором – заразу!

* * *

Книжку бросить читать
 я могу на любой странице,
 Все равно не узнаешь –
 что после слова «конец».
 А сюжет угадать так легко
 по любой частице
 Текста. Я в этом деле,
 скажу без улыбки, спец.

Но относится это совсем
 не ко всякой книге.
 Есть немного таких,
 где неясно вообще, о чем.
 Это лучшие.
 Но ведь так же в реальности – мига,
 Когда ясно, про что эта жизнь,
 напряженно ждем...

И напрасно. Про что эти дождь
 и колючий ветер?
 И про что отгоревшие
 страсть, маета, любовь?
 Ты стоишь под дождем...
 ты остался один на свете...
 И про что и зачем
 эта жгущая сердце боль?

* * *

За надежды, ушедшие разом,
 И дождей непрерывную сеть –
 Чем обязан тебе, чем обязан...
 И за осень в придачу? – ответь.

За последнюю?..
 Или же... Или –
 Вечной ставшую в жизни моей.
 За ветра, что вконец истомили,
 Кто ответчик? – сомненья развеи.

За соседство печали сторукой,
 За невзятые мной рубежи,
 За привязанность, ставшую мукой?..
 ...На прощанье хоть слово скажи.

За любви неразрывные нити,
 За горящее солнце внутри,
 Незакатное солнце в зените,
 Чем обязан тебе?.. – Говори!

* * *

Интересно, Он видит меня,
Мне лицо залепляя порошей,
Мне под ноги поземку гоня,
Отвлекая от рифмы хорошей,

Отвлекая от мыслей дурных,
Отводя, сколько может, пороки?
...Если так – и не слал бы шальных.
Если так – Сам давал бы уроки.

...Снег летит, облепляя дома.
Я бреду, неприкаянный житель.
Что же значат Твой снег и зима,
Я пытаюсь понять, Вседержитель?

А кому-то ведь Ницца и Крым...
Впрочем, я на Тебя не в обиде.
Я бреду по сугробам сплошным
И с задумкою о суициде.

Ты припас бы пургу к январю...
Хоть и зван – не успею к обеду.
Он молчит, тот, с кем я говорю...
С кем пытаюсь затеять беседу.

Вот – метель, и вот маленький я –
Повелитель ветров и туманов,
Продираюсь сквозь ткань бытия,
Полный всяких несбыточных планов.

МОЛИТВА ДУРАЧКА

Братец-ветер, не дуди так звонко,
Не пугай – заплачет наша сестренка.

Братец-огонь, не тронь наши хаты –
Мы пред тобою разве виноваты?

Сестра-война, пройди стороною,
Стань только мне, а не общей женою.

Братец-зной, не суши наше поле,
В далекой степи погуляй на воле.

Братцы-враги, я один вам нужен,
Берите меня на завтрак, на ужин.

Сестра-туча, дай нам вдоволь влаги –
Я же твой братец, вот мои бумаги,

Я родился под этим же небом,
Одари нас дождем – значит, и хлебом.

Я прошу за всех – будьте здоровы,
Сестры-лошади, собаки, коровы.

Сестрица моя, смерть, приходи за мною –
Только не за братом, не за сестрою.

Братец-бог, погляди в наши лица,
Научи иначе... верно молиться.

* * *

Из огня таскают каштаны,
Видя маршальский жезл во снах,
Лейтенанты и капитаны...
У фортуны в младших чинах.

Сколько их полегло до срока,
И что значит тот самый срок?
Загребущие руки рока
Их так любят смахнуть в песок.

Только вновь поднимаясь строим
Под кинжальный напор огня –
Нет, и я в этот мир не встроен –
Не забудьте, ребята, меня.

Не равняюсь ни с кем талантом,
Я свободен... мы все не рабы...
Снова стать бы простым лейтенантом
Из железной когорты судьбы.

* * *

На старости лет, каким бы ни стал –
Жалким или счастливым,
Сложна твоя жизнь или проста,
К библейским приходишь мотивам.

И что бы ни клал ты под свой висок,
Какой ни избрал маршрут,
Но снится тебе тот же самый сон,
И что же поделатъ тут?

Какое б ни нажил себе лицо,
Лысину или живот,
Ты видишь лестницу и крыльцо,
И дом, где Господь живет.

Неважно, какой из тебя старик,
 Каким изъясняешься стилем –
 Но ты возвращаешься к Книге книг,
 И Луз именуешь Вефилем.

* * *

Да, чего говорить...
 не одни истоптал я ботинки,
 Проходя
 по одной из привычнейших
 питерских трасс –
 На дороге недлинной –
 от Знаменской-плац
 до Гостинки,
 От Гостинки до этого самого...

Винтер-палас.

Это время прошло...

я прошел...

или все-таки время?

Проходя,

не встречаю знакомых...

ну, хоть бы один.

Мало что узнаю,

а ведь тоже немножечко «в теме».

Говоря по-старинному,

дожил, увы, до седин.

Все же есть и дома, что стоят,

как и раньше стояли,

Смотрят вниз на меня

невысокие их этажи.

Сколько в этом во всем
 грустной нежности... даже печали.
 Повторю, улыбаясь:
 – Да... сколько печали... скажи...

Время криво сшивает,
 орудя ниткой с иглой.
 В небесах столько правды...
 как в наших усталых ногах.
 Рядом с ветхой Апрашкой
 и вечной ее барахолкой...
 От Гостинки до вечности –
 в двух, скажем прямо, шагах.

* * *

Я в жарком мареве стоял, потупив очи,
 На пике мироздания... самом дне,
 У Западной стены...

Восточной нет и прочих,

Не ощущая Бога в вышине.

Я был растерян. Рассуждая здраво,
 Тут не решишь: вершина или дно.
 О чем просил?.. Оставим это, право.
 Не на вербальном уровне. Смешно.

Не знал, где я,

и сколько мне осталось...

Дохнуло ветерком –

и что он смог принести:

Любовь, и милосердие, и жалость...
 Как будто бы Он в этом мире есть.

